

— Сядзе...

Тело Тан Си тоже оцепенело. Она никогда ещё не видела такую Бай Юй: та вроде бы по-прежнему улыбалась, но от этой улыбки ей почему-то становилось страшно.

— Тантан, в наших отношениях не стоит заикаться о будущем. — Бай Юй посмотрела на неё, уголки её губ были приподняты, однако в глазах не было и следа улыбки — лишь тяжёлое предостережение и ледяной тон.

От этого холода губы Тан Си задрожали, а руки и ноги оледенели. Всего одна короткая фраза начисто стёрла всю дневную нежность и счастье, а на смену им пришли горечь, страх и тревога.

Слова Бай Юй мгновенно заставили её лицо побледнеть. Это было одновременно предостережение и напоминание — напоминание знать своё место и предостережение не питать несбыточных надежд.

Она вдруг вспомнила, что она всего лишь ручная птичка, питомец Бай Юй, а питомцам не положено выдвигать требования, и у золотой птички с её покровителем не может быть никакого будущего!

Тан Си сдержала жжение в глазах и в носу и, сдавленно всхлипнув, извинилась:

— Прости... Прости, сестрица, я сказала лишнее, я...

Тихий голос извинений прервал резкий звонок телефона. Тан Си увидела, что экран телефона Бай Юй загорелся: в канун Нового года ей звонила женщина со знакомой аватаркой и подписью Тан в контактах.

Бай Юй не стала ни отвечать, ни сбрасывать звонок, позволяя телефону трезвонить. Глядя на покрасневшие глаза и нос Тан Си, на застывшие в её глазах слёзы, она жестоко отвернулась. Её голос звучал сурово и безжизненно, но в нём слышалось едва уловимое дрожание, которого не замечала даже она сама:

— Ну всё, Новый год я с тобой встретила, мне пора идти!

— Ложись спать пораньше.

Холодные пальцы ухватили её за запястье. Они мелко дрожали, но держали крепко, не позволяя уйти, и тут Бай Юй услышала сдавленный плач. С дрожью в голосе Тан Си спросила её:

— Сестрица... У тебя правда есть кто-то другой?

В душе Бай Юй шла борьба, но в конце концов она закрыла глаза и холодно бросила одно слово:

— Да.

Ей следовало положить конец несбыточным мечтам Тан Си, а заодно и своему собственному шаткому сердцу. То, что она сказала Тан Си, было предостережением не только для неё, но прежде всего для неё самой.

Пальцы на запястье бессильно разжались, и по щекам Тан Си покатались слёзы.

Сквозь затуманенный взор она видела, как Бай Юй уходит, не оглядываясь, и за ней закрывается дверь.

В голове гудело. То «да» и та фраза про «отсутствие будущего» обрушились на неё, словно звонкая пощёчина, заставив Тан Си обессиленно рухнуть на пол. Казалось, её сердце бросили в ледяную стужу, и от этого остыло всё тело.

Свернувшись калачиком, Тан Си уткнулась лицом в колени, а по лицу градом катились слёзы.

Бай Юй бежала сломя голову. На звонок Тан Яньчу она отвечать не стала. Только сев в машину, она порадовалась, что не пила алкоголь — иначе сегодня вечером она просто не представляла бы, как ей оттуда уехать.

В темноте в её голове снова и снова проносилось заплаканное, отчаянное лицо Тан Си. Сердце Бай Юй сжималось от боли, словно его кто-то яростно стискивал в кулаке.

Произнеся те слова, она уже пожалела об этом, но всё же должна была разрушить надежды — как Тан Си, так и свои собственные.

Если бы она позволила Тан Си продолжать в том же духе, ей пришлось бы досрочно расторгнуть контракт, чего ей пока делать не хотелось. Тан Си ещё не успела крепко встать на ноги в шоу-бизнесе, её душевный недуг до конца не излечен, контракт ещё нельзя разрывать, да и сама она пока не желала отпускать Тан Си.

Заведя мотор, Бай Юй уехала.

Возвращаться в другую квартиру она не стала, а остановилась в привычном отеле, сразу оформив заселение.

Войдя в номер, Бай Юй заказала бутылку вина. Стоило ей только наполнить бокал, как снова позвонила Тан Яньчу.

Бай Юй нажала кнопку ответа, включила громкую связь и положила телефон рядом.

Из динамика послышался голос Тан Яньчу:

— Ты чем там была занята?

Она дважды подряд не взяла трубку, и Тан Яньчу даже заподозрила, что Бай Юй напилась до беспамятства.

Чем занята? Бай Юй замерла. Была занята тем, что наслаждалась мимолётным блаженством, была занята тем, что разбивала сердце девочке. Криво усмехнувшись, Бай Юй пригубила вино и ответила:

— Любовалась фейерверком. Это... очень красивый фейерверк...

Красивый фейерверк, прекрасная Тан Си, вкусная еда, чудесный канун Нового года... Всё было так прекрасно, а потом она сама же разрушила всё это своими безобразными словами!

— Кстати, та картинка, что ты мне прислала и тут же удалила — это была фотка из интернета?
— Тан Яньчу вдруг вспомнила то изображение, которое Бай Юй отозвала назад, но успела лишь бегло глянуть и не разглядела толком.

Стол, ломившийся от еды, был таким домашним, аппетитным — совсем не похожим на блюда из ресторана, скорее на праздничный семейный ужин.

Поэтому она и решила, что то, что прислала Бай Юй, наверняка скачано из сети.

Из сети? Выходит, тот наполненный теплом ужин — если его отправляет она, другие сочтут картинкой из интернета! Да уж! В самом деле, с чего бы людям, обделённым благословением и покинутым счастьем, жить такой жизнью!

— Да! — Бай Юй дернула уголкам рта.

— С чего это ты вдруг вздумала присылать мне картинки из интернета? — Тан Яньчу то казалось, что это правда, то сомневалась, но сейчас, слушая голос из трубки, она понимала, что Бай Юй действительно в отеле, а в отелях таких новогодних ужинов не бывает.

И по доносившимся из динамика звукам можно было отчётливо понять, что это в номер к Бай

Юй кто-то принёс заказ.

Закрыв дверь комнаты, Бай Юй подошла к панорамному окну и, глядя на не утихающие на улице взрывы фейерверков, ровным голосом произнесла:

— Промахнулась мимо кнопки.

Тан Яньчу замолчала, уловив странные нотки в настроении Бай Юй, но допытываться не стала и лишь спросила:

— Ты поела?

При мысли о роскошном новогоднем ужине в груди Бай Юй снова всё сжалось, и она сделала ещё один большой глоток вина, да так жадно, что едва не поперхнулась слезами:

— Поела. Очень много поела.

— Я же звала тебя домой, а ты не пошла. Каким бы вкусным ни был ресторан, в нём нет аромата домашнего очага, — вздохнула Тан Яньчу.

— Есть... Тут есть аромат домашнего очага... — Бай Юй криво улыбнулась. Разве мог в нём отсутствовать домашний угар, если Тан Си приготовила его своими руками, вложив всю душу и учитывая её вкусы?

Да она просто упрямится! Разве еда из отеля может пахнуть домом! Наверное, просто врёт, чтобы успокоить её!

За окном грохотали петарды, взрывались фейерверки, и город вмиг погрузился в оглушительный гам. Глядя на озарённое искрами ночное небо, Бай Юй беззвучно усмехнулась. Как же это красиво — вещи, которые исчезают в одно мгновение, прекрасны настолько, что от них невозможно глаз отвести!

— Наступила полночь, А-Юй, с Новым годом! — раздался в трубке вздох Тан Яньчу.

— С Новым годом! — тихо отозвалась Бай Юй.

— Ладно, не буду тебе мешать. Раз уж настала полночь, бери телефон и звони своей малышке! — напутствовала она, после чего сразу повесила трубку.

На экране светились два пропущенных вызова — оба от Тан Си, один незадолго до полуночи, а второй уже после.

Телефон зазвонил снова. Имя Тантан на экране бесконечно увеличивалось и расплывалось. Бай Юй сжала телефон в руке, бессильно прислонившись к дивану, но так и не смогла заставить себя нажать на эту проклятую кнопку ответа.

Она не имела права отвечать. Ответить — значит подарить надежду себе и подарить надежду Тан Си, а она должна быть непреклонной.

<http://bllate.org/book/21399/2182733>